

В. Г. Целищева

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ПРОШЛОГО НАРОДАМИ ПРИАМУРЬЯ

АННОТАЦИЯ. На основе документальных и полевых материалов, полученных в ходе изучения трех коренных народов Приамурья — нанайцев, ульчей, удэгейцев, рассматриваются две взаимосвязанные составляющие изменений социокультурных ландшафтов — появление новых форм хранения и передачи информации и усиление или ослабление положения в обществе различных возрастных групп. Внимание сосредоточивается на социальном прошлом, поскольку оно является стержневым элементом группообразования, обеспечивая легитимность группы, храня и актуализируя историю ее возникновения, определяя культурно-нормативные рамки приемлемых внутригрупповых взаимодействий. Помимо этого, социальное прошлое вписывает группу в более широкие контекстные рамки, влияя на отношения с другими участниками социальных взаимодействий. Основной вывод статьи заключается в констатации социальной обусловленности прошлого и памяти, поскольку то, что и как мы запоминаем, зависит от социальной среды. Играя роль «внешней памяти», библиотеки и музеи помогают нам преодолеть забывчивость. Эту же функцию выполняют люди, которые разделяют с нами социальное пространство. Но как существование группы зависит от необходимости распространения и хранения информации? В статье предпринимается попытка найти ответ на этот вопрос.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнокультурные процессы, коренные народы Дальнего Востока, социальное время, историко-культурное наследие, социальные практики

УДК 323.15(571.6)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-135-142

ЦЕЛИЩЕВА ВЕРОНИКА ГЕННАДЬЕВНА — к.с.н., доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: nics3@yandex.ru

Многие шкалы и понятия, описывающие социокультурные пространства и динамику их изменений («традиционное — современное», «развитое — отстающее», «ускорение», «быстроразвивающаяся экономика» и т. п.), опираются на представления об объективности времени еще и потому, что сами претендуют на объективацию. Однако сложность, неоднозначность, многослойность временных ландшафтов, когда в настоящем присутствуют прошлое (в виде переживаний, мемуаров, разделяемой истории), будущее (в виде устремлений, планов, надежд), их контекстуальность, отраженная множеством метафор о ценности времени, подчеркивают социокультурную обусловленность темпоральных представлений. Выражение «Наступит наше время» — пример того, как соотнесение себя с конкретной возрастной или социальной группой определяет не только мировоззрение и поведение индивидов, но и их претензии на социальные ресурсы.

Комплекс представлений, социальных регуляторов, понятий, относящихся к категории времени, которая существует в рамках определенной культуры, усложняется при значительных культурных трансформациях. Учитывая множественность причин и траекторий подобных изменений, предлагаем остановиться на таких взаимосвязанных составляющих, как усиление или ослабление положения в обществе различных возрастных групп и появление новых форм хранения и передачи информации. Анализ динамики изменения статуса возрастных групп показывает, что в традиционном бесписьменном обществе центральное положение старших не в последнюю очередь связано с тем, что их память хранит максимальное количество актуальной информации. Когда основные массивы информации сохраняют печатные тексты, в обществе усиливается роль тех, кто их производит и интерпретирует, а с появлением телекоммуникационных технологий укрепляется положение молодежи.

Предлагаем сосредоточить внимание на социальном прошлом, поскольку истории возникновения народа, родов и других групп, актуализируемые при каждом обращении, определяют легитимность групп и идентичность их участников, а также культурно-нормативные рамки приемлемых внутригрупповых взаимодействий. Таким образом, социальное прошлое является стержневым элементом группообразования и фактором включения группы в более широкие рамки социальных взаимодействий. На примере изменений в культурах трех коренных народов Дальнего Востока — нанайцев, ульчей, удэгейцев — указанные процессы будут рассмотрены подробно.

«БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» ОТ ТРАДИЦИИ К ЛИТЕРАТУРЕ

Первое из описываемых изменений связано со значительным увеличением читающих и пишущих в среде коренного населения. В период установления советской власти на территории Дальнего Востока в отношении коренных народов использовался уже испытанный большевиками прием — оказание поддержки молодежи, чье положение в традиционном обществе было маргинальным, жестко зависимым от старших, власть которых не только закреплялась обычаями и культом предков, поддерживалась собственностью на дома, лодки, сети, охотничье снаряжение, но и реализовывалась в контроле над брачными отношениями. Усилению статуса молодежи способствовали вводимые законы — запрет на калым и полигамию, а также дополнительные ресурсы от внешних социальных агентов. «Комсомольцы после собрания готовятся к 1-му Мая, украшают клуб, кричат лозунги и ведут разговоры о той борьбе, которая ведется в стойбище, — молодое, новое, здоровое наступает, разрушает все старое, и как все старое, загнившее сопротивляется, хочет все удержать, но ничего не выходит, так как побеждает везде сильный физически и морально, а мы сильны знаниями, трудом, и потому победа за нами» (Путинцева 2010: 48).

Несмотря на актуальность задачи формирования национальной интеллигенции, наступление «молодого, нового», за редкими исключениями, таким как первый удэгейский писатель, автор повести «Там, где бежит Сукпай» Джанси Кимонко, было не слишком стремительным. Ускорила этот процесс Великая Отечественная война. Фронтовики, преодолевшие не только дороги войны, но и путь модернизации, были вовлечены в ход истории, превосходящий границы локального сообщества. Они и их дети стали первыми массовыми студентами. В жизненных историях нанайского поэта Андрея Александровича Пассара, писателя Григория Гибивича Ходжера, преподавателя хабаровского педуниверситета Антонины Сергеевны Киле, ее сестры, учителя найхинской школы Софьи Сергеевны Бельды и многих других, рожденных в довоенное время, проявляются универсальные стратегии инкорпорации в инокультурное пространство: приобщение к русской и через нее к европейской культуре, освоение языка и кодов «модернистского общества» и перенос в их рамки уникальной культурной информации. Литература, педагогика, народные ремесла, фольклорная деятельность — новые институциональные формы сохранения национальной специфики.

Молодые представители новой национальной интеллигенции, возвращаясь домой после получения образования в городах, способствовали включению новых практик в родную культурную среду. Участники драмкружка факультета народов Севера Ленинградского пединститута дома, в селе Найхин, создали театральный кружок, переросший благодаря государственной поддержке в народный театр. Клубы, библиотеки, народные театры, фольклорные коллективы, мастерские народных промыслов пропагандировали не только новые формы трансляции культурного материала среди местного населения, но и национальную специфику на различных смотрах и конкурсах, выставках (ярчайший пример — экспозиция ВДНХ). Отдельные образцы народных культур должны были не только сохраняться, но и расширять аудиторию зрителей, слушателей, читателей в многонациональной стране. Представители первого поколения национальной интеллигенции стали новыми хранителями прошлого или, точнее, его толкователями, поскольку с появлением письменных и печатных форм фиксации истории связь между прошлым, настоящим, будущим обеспечивается уже не подражанием и сохранением, характерным для бесписьменных культур, а толкованием и воспоминанием (Ассман 2004).

«Омоложение» экспертов по прошлому привело не только к смещению с доминирующих идеологических позиций культа предков, но и к уничтожению многих его материальных свидетельств. Сэвэнов и китайских мио заменили книги и портреты вождей, на смену очагу, в котором жила его хранительница Подя, пришла «лампочка Ильича». Лишь некоторым элементам была уготована почетная участь олицетворять традиционную культуру, например, юмористическому танцу «борьба нанайских мальчиков» или орнаментированной одежде. Актуализация народного творчества со стороны государства превращала традиционный орнамент в движущую часть социального лифта. В селе Красный Яр современные мастерицы показывали газетные вырезки, рассказывающие о жительнице села, которую в 1930-х гг. пригласили в Кремль вышивать традиционный удэгейский костюм для И. В. Сталина. В тот же период на Всемирной выставке в Париже вышивка жительницы села Сикачи-Алян Майлы Актанко была удостоена гран-при (Мельникова 2003).

Окончательное превращение «амурского орнамента» в источник заработка и символического капитала — престижа и званий — произошло в 1980-х гг. В эти годы активизировались мероприятия, направленные на популяризацию орнамента: проведение выставок произведений народных мастеров и мастериц, чьи изделия экспонировались как в стране, так и за рубежом, выпуск ряда иллюстрированных изданий — в 1975 г. «Приамурские узоры» К. П. Белобородовой (издательство «Художник России», Ленинград) или «Краски земли Дерсу. Фоторассказ об искусстве малых народов

Приамурья» (Хабаровское книжное издательство, 1982 г.). Ярким событием стало издание книги «Амурские сказки». Иллюстрации к нанайским сказкам Г. Д. Павлишина, собиравшего материал для своих работ в этнографических экспедициях и фондах дальневосточных музеев, принесли художнику награды международных конкурсов, орден Дружбы народов и популярность среди жителей края. Многие современные мастера, преподаватели Дальневосточного педагогического института, костюмеры ансамблей копируют и цитируют в своих работах иллюстрации «Амурских сказок».

Орнаментированные предметы традиционной культуры, превращаясь в музейный экспонат, способствовали формированию новых коммуникационных связей, расширяя сети взаимодействий приамурских народов до границ мирового сообщества, по крайней мере на информационном уровне. Продолжается этот процесс и сегодня: в 2015–2016 гг. в Музее на набережной Бранли в Париже прошла замечательная выставка «Esthetiques de l'Amour», посвященная культурам народов Приамурья.

В заключение повествования о первом «посттрадиционном» поколении хотелось бы отметить особенность передачи воспоминаний, присущую многим представителям этого поколения. Притчи, которыми наполнял интервью Андрей Александрович Пассар, завораживали. Рассказы Софьи Сергеевны Бельды, Анны Петровны Ходжер и многих-многих других старших врезались в память благодаря тому, что рассказчики в совершенстве владели специфическими способами передачи устной информации. В воспоминаниях о путешествиях с ансамблем в Москву, или на учебу в Ленинград, или с концертом на сенокос отчетливо проявлялись элементы волшебной сказки: в одном случае интеллигентная старушка помогла найти нужный адрес заблудившимся нанайским девушкам, в другом — военный дал помидор голодному, ограбленному в пути студенту, в третьем — лодку с агитбригадой, попавшей в непогоду, отбуксировали геологи и т. д.

Эмоционально насыщенные образы, характерные для устной речи, обеспечивали популярность национальным авторам у читателей, а идеологически выверенное содержание определяло поддержку основного заказчика. Книги Д. Кимонко, А. А. Пассара, Г. Г. Ходжера издавались государством значительными тиражами, переводились на языки народов союзных республик и соцстран. Примечательно, что многие обложки украшались стремительно несущимися национальными лодками. Опыт авторов, педагогов, ученых, работников культуры стал образцом для следующего поколения, которое условно можно назвать «поколением профессионалов».

«ПРОФЕССИОНАЛЫ»: МЕЖДУ ЛОКАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ И ГЛОБАЛЬНЫМИ ПОТОКАМИ

Если «старшие» черпали информацию о прошлом из межличностных взаимодействий, то «средние» получали ее, в значительной степени обращаясь к материальным носителям информации — книгам, фильмам, фотографиям, то есть, к источникам, доступным не только им. Принадлежность к этнической группе больше не определяла уникальность знаний о прошлом, а лишь обеспечивала некоторые конкурентные преимущества. Профессионализм и отсутствие тотальной поддержки государства освободили «средних» от необходимости проявлять суперлояльность к нему. Многие из «профессионалов» критически оценивают как отдельные действия национальной политики, так и объективизированную версию исторического прошлого, особенно место своих этнических групп в нем.

Если характерной чертой «старших» была социальная мобильность или «большое путешествие» (Слэзкин 2008), то для тех представителей среднего поколения, чья деятельность строится

вокруг этнической специфики, перемещения носят скорее территориальный, чем социальный характер. «Мы — амурские цыгане», — говорила М. С. Дечули о своей семье, четыре раза поменявшей местожительство за наше 20-летнее знакомство. Она, профессиональный хореограф, организатор нескольких фольклорных танцевальных ансамблей, и ее муж, ныне покойный Николай Николаевич У, талантливый резчик, чьи работы находятся как в дальневосточных, так и в зарубежных музеях, часто переезжали в поисках достойного заработка. Другие мастера, этнографы, руководители кружков, если и не столь мобильны, то активно включены в глобальные потоки, будучи участниками международных проектов, или гостеприимными хозяевами, или проводниками для отечественных и зарубежных коллег.

Круг участников социальных взаимодействий, в основе которых лежит интерес к культурной специфике, пополнился представителями различных фондов, исследователями, коллекционерами, туристами, ищущими новых ощущений. Расширился и диапазон способов презентаций национальных культур: издание книг местных авторов, частные выставки народных мастеров, публикация каталогов, записи дисков с авторским исполнением традиционных мелодий, сельские этнографические музеи, концерты для туристов и т. п. Большинство современных типов материальных носителей информации транслируют, интерпретируют, популяризируют традиционную культуру, способствуют росту известности «подлинных» свидетельств исторического прошлого: предметов культа — сэвэнов, орнаментированных вещей, доставшихся от предков, музейных коллекций, археологических памятников и т. д. Вокруг них кипят нешуточные страсти. Право на контроль над материальным прошлым отстаивают разные группы профессионалов. Подчас это приводит к утрате предметов. Так, пока филиал Хабаровского краеведческого музея и Муниципальное образовательное учреждение «Музей “Мир Сикачи-Аляна”» в селе Сикачи-Алян спорят о принадлежности коллекций, уникальный нанайский свадебный халат с вышивкой родового древа и шаманом с трубкой под ним невозвратно ветшает.

Как социальные носители «подлинной» информации о прошлом, представители старшего поколения вновь становятся экспертами по прошлому. Они корректируют проведение реконструированных обрядов, например, «старшие» крайне негативно отнеслись как к идее, так и к способу проведения реконструкции «медвежьего праздника» в ульчском селе Булава (подробнее см.: Целищева 2006). Они же оценивали работы и экзаменовали на знание традиционных технологий более молодых участников Школы прикладного искусства Хабаровского института повышения квалификации кадров в области экологии и природопользования, инициированной Министерством природных ресурсов Хабаровского края (подробнее см.: Целищева 2014).

ИГРЫ С ПРОШЛЫМ: МЕЖДУ РЕАЛЬНЫМ И ВИРТУАЛЬНЫМ МИРАМИ

Если для среднего поколения «старшие» были безусловным авторитетом, то они в силу разных причин не стали таковым для «молодых». Современные «молодые», так или иначе связанные с различными формами презентации прошлого, — участники фольклорных коллективов, этнографических, музейных и других кружков, мастерских народных промыслов — не столько ценят точность воспроизведения форм, сколько их творческую составляющую. Они вплетают различные элементы традиционной культуры в современные изделия. Из выделанных рыбьих кож изготавливаются чехлы для мобильных телефонов, фотоаппаратов, очков, сумки, пояса и предметы бижутерии, берестяные туески со стилизованным орнаментом становятся упаковкой для бутылок с алкоголем, в репертуарах танцевальных ансамблей, наряду с «классическими» танцами с бубном и «чайками над рекой»,

есть и китайский танец с бумажным драконом, и танец восточных (ближневосточных) красавиц, и стрит дэнс, и хип-хоп, и пр.

«Молодые» играют с прошлым. Освоение специфических культурных навыков — распространенная форма досуга, который, как известно, в эпоху потребления приобретает высокую социальную значимость. Чувство причастности, переживаемое в ритуальных, воспроизводящихся с определенной периодичностью действиях (концертах, выставках, конкурсах), их отзвуки в «профанной» жизни — это механизмы передачи социального опыта, многократно описанные антропологами, присущие не только бесписьменным обществам, но и современным «молодым», практикующим обращение к традиции.

Один из молодых информантов определил свое отношение к истории как к книге без переплета, страницы которой можно комбинировать в произвольном порядке, перечитывая одни и игнорируя другие. Метафора «неправильной» книги весьма иллюстративна, если принять во внимание неразрывную связь исторического сознания и письма. Уход с лидирующих позиций письменных и печатных способов трансляции информации в обществе, вытеснение их телекоммуникацией определяют возрастающую роль визуальных и воздействующих на эмоции каналов.

Фото-, видео-, телекамеры становятся неперенными и значимыми участниками различных мероприятий. Фотографии в сценических костюмах, предметов, сделанных своими руками, грамот и дипломов участников всевозможных конкурсов выкладываются в Интернет, обеспечивая внимание к их авторам и героям, а также транслируя национальную специфику, облаченную в формы, понятные и привычные современным «молодым».

Рассмотрев ретроспективу изменений способов передачи информации о прошлом, хотелось бы отметить неоднозначность и противоречивость понятий «историческое наследие», «культурные традиции», «пережитки», связанных с дискурсивным пространством прошлого, для представителей коренных народов Приамурья. Уникальный, специфический культурный опыт, вплетаемый в ткань индивидуальных историй, определяется либо как символический капитал, актуализирующий практики репрезентаций, сохранения, изучения, либо как антитеза будущего или прогресса, подвергаясь переопределению, переосмыслению, преодолению.

Обращение к теме восприятия прошлого обусловлено также возрастающей актуальностью вопросов, порождаемых сменой моноидеологии национального государства конкурирующими интерпретациями исторических фактов и идеологиями социально активных групп. П. Нора определил этот процесс как «торжество памяти» (Нора 2005). Анализ перехода истории как надындивидуального, объективизированного прошлого к актуализированной памяти как прошлого локальных групп и индивидов, политизации отбора и репрезентаций образов прошлого, предпринимаемый этим автором, теоретические разработки и выводы, содержащиеся в работах Я. Ассмана «Культура памяти», «Мемориальная культура», П. Рикера «Память, история, забвение», М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти», способствуют более глубокому пониманию роли памяти в социальных изменениях. Базовый аргумент этих авторов — о социальной обусловленности памяти. Определенные сомнения вызывают допустимость применения понятия «память» к группам и дюркгеймовская логика объяснять социальное социальным, прослеживаемые у отмеченных авторов. Более логичным представляется принять за точку отсчета индивидуальную память, которой свойственно забывать значительное количество информации и внезапно, вплоть до мельчайших деталей вспоминать под воздействием внешних раздражителей — звука, запаха, символа — давно прошедшие события. Коллекции пластинок и фотоальбомы, магниты и сувениры, библиотеки и музеи, по сути, являются нашей «внешней памятью», помогающей преодолеть забвение. Такую же функцию «внешней памя-

ти» выполняют люди, с которыми мы делим социальное пространство. Наличие свидетелей запоминаемого события создает ощущение объективности индивидуальной памяти. Между тем именно наличие разделяемых представлений о прошлом придает объективность самим группам.

Роль разделяемых темпоральных представлений в поддержании групповых границ, обеспечении лояльности и идентичности членов группы — одна из популярных тем социологии. Об этом писали М. Вебер, Г. Зиммель, Д. Мид, А. Шюц, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё, Э. Гидденс и др. Новое видение проблемы дает Б. Латур, обосновывающий в книге «Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию» положение о том, что в центре исследования должны находиться не очерченные группы, а процессы группообразования, в которых наряду с индивидами задействованы предметы материального мира (Латур 2014). Данное положение является ключевым для нашего исследования, как и вопрос о том, насколько само существование групп определяется потребностью распределять и сохранять информацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
- Мельникова Т. В.* Село Сикачи-Алян в прошлом и настоящем: некоторые страницы истории // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2003. С. 109–120.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 25.10.2016).
- Путинцева А. П.* Дневники Красной Юрты. Хабаровск, 2010.
- Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.
- Целищева В. Г.* Претензии этничности. Претензии на этничность // Давыдов В. Н., Карбаинов Н. И., Симонова В. В., Целищева В. Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск, 2006. С. 61–107.
- Целищева В. Г.* Древо жизни или возобновляемые ресурсы? // Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014. С. 182–189.

THE REFORMATTING AND FRAMING OF THE SOCIAL PAST

ABSTRACT. The article is based on archival and field materials and looks into the ways of changing the dispositions of groups in the social space. It focuses primarily on the influence of temporal ideas and new forms of storage and transmission of information. The objects of the research are three indigenous ethnic groups of the Amur Region: Nanai, Ulchis, and Udege. “Historical heritage”, “cultural traditions”, “vestiges” and other concepts that are related to the discursive concept of the past appear to be contradictory and ambiguous for the majority of these people. The main argument of the article centers around the social aspects of memory, since what and how we remember depends on the social environment. Playing the role of an “external memory”, libraries and museums help us to overcome our forgetfulness. The same function is performed by people who share the social space with us. But how the very existence of the group can depend on the need of distribution and storage of information? This paper attempts to find an answer to this question.

KEYWORDS: ethno-cultural processes, indigenous peoples of the Far East, social time, historical and cultural heritage, social practices, social interaction

VERONIKA G. TSELISHCHEVA — Candidate of Sociological Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Russia, Saint Petersburg).

E-mail: nics3@yandex.ru